

**Читайте мистические
триллеры Альбины Нури
в серии «За гранью реальности»:**

Вычеркнутая из жизни
Пропавшие в раю
Отмеченная судьбой
Очарованная мраком
Плененные тайной
Пятый неспящий
Обреченные на страх
Пассажир своей судьбы
Глоток мертвой воды
Дорога в мир живых
По разные стороны вечности
Черные души праведников
Тот, кто стоит снаружи
Город мертвецов
Плачущий лес
Погребенные за мостом
Тихий дом
Варварин остров
Гиблые земли
Сквозь страх
Пучина скорби
Бриллиантовый берег
Девятый день

Цикл «Тайны уездного города»

Узел смерти
Отель «Петровский»
Другие хозяева
Вернувшиеся

Сборники рассказов

Ведьмино поле
За приоткрытой дверью
Дети черного болота
Неуспокоенные

Альбина **НУРИ**

ВЕРНУВШИЕСЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Нури, Альбина.

Н90 Вернувшиеся : [роман] / Альбина Нури. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247303-6

В тихом Быстроречке пробуждается древнее зло. Мрачная река Быстрая, хранящая вековые тайны, выпускает на улицы города оживших мертвецов, жаждущих возмездия. В центре кошмара оказываются два друга, Илья и Миша, которых не отпускает прошлое. Илья, вернувшийся из-за границы, обретает пугающий дар видеть сокрытое, а шрам на шее Миши горит огнём, реагируя на присутствие потусторонних сил. Серия жестоких убийств, таинственный маньяк по прозвищу Душитель и восставшие из воды покойники сплетаются в зловещий клубок, распутать который друзьям предстоит, заплатив страшную цену...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247303-6

© Нури А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Позднюю осень он не любил. Точнее, боялся ее: так получалось, что самые дурные, страшные события, делающие его и без того не слишком счастливую жизнь еще хуже, происходили именно в конце октября или в ноябре.

Бабушка и мать умерли в это время, а потом ушла и жена. Гроб опускался в могилу под свинцовым небом, первый снег падал и превращался в серую жижу, а Митьке казалось, что это он сам лежит в заколоченном ящике, нечем дышать и ничего хорошего уже никогда не будет.

Правда, и в Быстрорецк из деревни Рождественское, где Митрофан родился и вырос, он тоже в ноябре перебрался... Могло бы, как говорится, сломать систему, но и из этого, если оглянуться и посмотреть назад, тоже ничего хорошего не вышло. Большой шумный город схватил слабого несмышлениша цепкой железной лапой, обнюхал, попробовал на вкус, а потом пережевал-перемолол и выплюнул.

АЛЬБИНА НУРИ

Был Митрофан — стал Митька-алкаш. Пока жива была жена, он еще как-то держался (вернее сказать, она его держала, приобщала к жизни, примиряла с нею), а уж когда померла...

Митька пил так люто, что самого себя порой не помнил. Он катился под откос со стремительностью, от которой захватывало дух, и было настолько страшно, что лучше уж не давать себе об этом задумываться. Хорошо еще, жилья не лишился, по-прежнему обитал в клетушке-малосемейке, перебивался случайными заработками.

Бывало, пытался и завязать. Вот как в тот год, когда померла Ирина, Митькина приятельница. Правду сказать, собутыльница. Неплохая была баба, веселая, незлая, заводная, а потом прямо у Митьки на глазах свалилась. Только что стояла, смеялась, говорила что-то, а через секунду бац — инсульт. Говорить после не могла, рука у нее высохла, да и ходила Ирина еле-еле. А потом померла.

Митька стал думать: вдруг и его паралич от водки разобьет? Помереть еще ладно, это, может, и к лучшему было бы, а если сразу не помрешь? Так и будешь лежать, гнить заживо, смерти ждать.

За Ириной-то сын присматривал — Илюха. Хороший такой парень, уважительный, спокойный. В очках. Митьке все, кто носил очки, казались умными и добрыми. Илья однажды даже к Митьке приходил — про отель «Петровский»,

Вернувшиеся

где он одно время подрабатывал, расспрашивал, интересовался.

А у Митрофана детей нет, да и были бы... Не все же такие, как Иринкин Илюха.

Впервые такие мысли в голову забрались и точили, точили... В общем, хотел даже бросить пить, да как-то не вышло. А потом пришлось: нутро разболелось (опять же в ноябре!), еле откачали. Врачи сказали: хочешь жить — заканчивай с пьянкой. А Митьке так плохо было, что он и сам решил: попил свое, покуролесил, хватит.

С той поры год прошел. Вот опять октябрь на исходе, ноябрь подоспел, и тошно на душе. Митрофан работать устроился — дворником, метлой махать. Не больно-то важная должность, а все же к копеечной пенсии прибавка. Оделся-обулся, на человека стал похож, в дом кое-чего купил: в гости не стыдно позвать. Правда, некого. Прежним друзьям Митрофан теперь был неинтересен, да его и самого от них воротило. А больше и не было никого.

Ну и черт с ними, одному тоже замечательно! И вообще, все хорошо, жена бы одобрила, живи да радуйся, а поди ж ты — накатывало иногда, хоть волком вой. Сегодняшний вечер как раз из таких был, когда муть на сердце. Погода еще дрянная: холодно, сыро, крупа снежная с неба сыпется, щеки колет.

Митрофан шел из магазина: решил жизнь себе подсластить, торт купил. Любимый — вафельный,

АЛЬБИНА НУРИ

с орешками, в придачу шоколадку еще: как пить бросил, на сладкое со страшной силой тянуло.

Мимо винного отдела побыстрее прошел, даже не посмотрел в ту сторону, от греха подальше. То, что мог сорваться в любой момент — слаб человек! — Митрофан знал: до зубной боли хотелось порой накатить. Но тело помнило, до чего хреново было, и он понимал: это будет последний в его жизни стакан. Вот и держался.

Но беречь себя ни к чему, вон лучше — тортики-печенюшки.

Было поздно, почти девять вечера, на улице — никого, все по домам попрятались, сидят, отогреваются друг возле друга. Девушку, бредущую по пустой улице, Митрофан заметил, когда до подъезда оставалось всего несколько метров.

В свете фонарей видно ее было хорошо: и лицо можно рассмотреть, и фигуру. Поначалу Митрофан обратил внимание на одежду, вернее почти полное ее отсутствие. Холодина, сам он в теплой куртке, шапке и зимних ботинках (как жена говаривала, «на рыбьем меху»), а на девушке только что-то вроде ночной рубашки или сарафана на тонких бретельках. Да и эта одежонка грязная, рваная, свисает клочьями. Обувь же и вовсе нет никакой: девушка шла босиком по каше из снега и грязи.

«Пьяная», — вот что пришло в голову в первый момент. В душе шевельнулись жалость и досада:

Вернувшиеся

сам ведь сколько раз в непотребном виде шатался, чего только ни вытворял, знал прекрасно, на что человек способен, когда «в изумлении».

Это предположение подтверждала и походка девицы: разболтанная, покачивающаяся, неуверенная и в то же время тяжелая, как будто каждый шаг давался ей с трудом. Руки висели вдоль тела, склоненная голова словно еле держалась на шее, а ноги пьянчужка приволакивала.

Длинные волосы — то ли темные, то ли просто грязные — свисали спутанными неопрятными прядями, прикрывая лицо.

«Замерзнет же насмерть, дура», — сочувственно подумал Митрофан и двинулся навстречу незнакомке, намереваясь предложить помощь.

Куртку ей дать, спросить, где живет, кому позвонить. А может, лучше сразу полицию вызвать, мало ли, вдруг ее изнасиловали и накачали спиртным, потому она и раздетая, и босая; хотя, конечно, с ментами связываться не хочется... Все эти мысли мелькали в голове, пока Митрофан шел к девушке, не подозревая о том, что в действительности приближается к очередному развороту своей невеселой биографии.

— Послушай-ка, может, помощь какая нужна? Ты чего тут в таком виде...

Он хотел сказать «ходишь», но тут девушка, которая была буквально в паре шагов, повернула голову в его сторону. Свет фонаря упал на ее

АЛЬБИНА НУРИ

лицо, и Митрофан почувствовал, что мир вокруг него сначала замер, а потом словно поплыл куда-то, грозя утanutь за собой. Из глотки вырвался слабый хрип, руки взметнулись к горлу, но так и упали, бессильно повиснув, как перебитые птичьи крылья.

Беспокоиться о том, что прохоя может замерзнуть, заболеть и умереть от воспаления легких, не стоило. Стоящая перед Митрофаном девушка уже была мертва, он сразу понял это, и сомневаться незачем.

У живых людей не бывает голубоватой пленки на глазах, отчего они становятся мутными, как грязная вода в луже. И пятен таких на коже не бывает, и сама кожа не отваливается от скул. И таких глубоких, но при этом не кровоточащих рубцов не может быть, и землисто-серых щек, и...

И понятно, почему голова повернута под таким странным углом: а как иначе, если шея сломана и рубец перечеркивает ее уродливой змеей?

Мертвая девушка остановилась и смотрела на Митьку слепыми глазами.

«Она не может меня увидеть!» — мелькнула спасительная мысль.

Спасительная, но глупая. Покойница ведь и ходить не может, и голову поворачивать, однако делает и то и другое.

Запах, который источала девушка, — сладковатый, тошнотворный, забивающийся в нос запах

Вернувшиеся

гниения и тлена — был ужасен. Если бы у Митрофана и оставались сомнения в том, что перед ним действительно живой мертвец, теперь они бы точно отпали.

Нежить медленно подняла руку, словно желая ухватить Митрофана, и приоткрыла рот. Оттуда выплеснулась и потекла по подбородку черная зловонная вода. А потом мертвячка и вправду коснулась Митькиного плеча белой ладонью, похожей на дохлую рыбину.

Несчастный был уверен, что настали последние минуты на этом свете: сейчас кошмарная тварь сграбастает его, вопьется в глотку, примется с утробным урчанием терзать плоть — именно так поступали со своими жертвами зомби в фильмах ужасов, которые Митрофан когда-то брал в видео-прокате и смотрел с женой.

«Проклятый ноябрь, будь он неладен», — тоскливо подумал Митька, уверенный, что ему, как и всем его родным, суждено умереть в конце осени.

Конечно, еще был шанс спастись. Нужно бежать или попытаться как-то защититься, оттолкнуть покойницу, но он не мог ни двинуться с места, ни пошевелиться. Да что там — даже на помощь позвать не мог.

Просто покорно стоял и ждал неизбежного конца, даже бояться уже не получалось. А в следующее мгновение мертвая девушка отвернулась

АЛЬБИНА НУРИ

от него, опустила руку и, словно потеряв к Митрофану интерес, двинулась дальше.

Он замер, не в силах отвести от нее взгляд, смотрел на удаляющийся силуэт, пока тот не растаял в промозглой стылой тьме. Тут бы Митрофану уйти, ведь восставший мертвец может вернуться, а еще рядом могут оказаться другие такие же, но он все стоял и стоял, пока не почувствовал, что совсем закоченел.

Если бы он выпил хоть грамм, можно было бы списать все на воздействие алкоголя, на глюки и белую горячку (еще «догнаться» и забыть обо всем, погрузившись в счастливое забытие, а наутро ничего не вспомнить). Только Митрофан был абсолютно трезв вот уже второй год, а у нормального человека таких галлюцинаций быть не может.

Придется принять дикую, невероятную правду: мертвая женщина действительно встретила его этим вечером на темной дороге. Она стояла прямо тут, возле Митькиного дома, незряче смотрела на него, а в воздухе, кажется, все еще витал отвратительный смрад. Это могло означать только одно: в Быстрорецке появились живые мертвецы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что может быть отвратительнее звука, который заставляет просыпаться, когда вам этого не хочется? Илья лежал с закрытыми глазами, надеясь, что Марина, у которой всегда был крепкий сон, не услышит звонка будильника, проспит, а в итоге и вовсе оставит идею поездки.

«Магични камен» (то есть «волшебный камень»), боже мой! Что может быть нелепее!

Но Марина, едва заслышав переливчатое пиликанье, вскочила и помчалась в ванную, на ходу сдернув с Ильи одеяло. Он терпеть не мог эту ее привычку.

— Вставай, соня! — громко проговорила она, минут через пять вернувшись в спальню, умытая, причесанная, бодрая, словно и не ложилась.

Илья брился, разглядывая в зеркале свою помятую физиономию. Лег вчера поздно: засиделся над статьей, нужно было срочно отправить в одно из изданий, с которыми он сотрудничал.